

Кристина Тэ

МЕРТВЫ и негостеприимны

фэнтези

МИОО

Кристина Тэ
Мертвы и негостеприимны
Серия «Red Violet. Больше чем магия»
Серия «МИФ Проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74458136

*Мертвы и негостеприимны / Кристина Тэ: ООО «МИФ»; Москва; 2026
ISBN 9785002812295*

Аннотация

Десять лет Юта была привязана к жуткому дому с привидениями, которым вообще-то полагалось облегчать ее быт, но вместо этого они пользовались любой возможностью напасть. И когда наконец появился шанс освободиться, Юта с радостью обманом перекинула проклятие на другого.

Вот только сбежать далеко не удалось, и теперь Юте вместе с новым, весьма недовольным ситуацией хозяином дома предстоит найти способ освободить не только себя, но и плененные души.

Которые тем временем ведут свою игру...

Содержание

Действующие лица	8
Глава первая, в которой продается дом и утаиваются нюансы	10
Глава вторая, в которой ломаются корабли, планы и судьбы	21
Глава третья, в которой Юта предается воспоминаниям и порочному любопытству	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кристина Тэ

Мертвы и негостеприимны

*Книга не пропагандирует употребление алкоголя.
Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.*

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Кристина Тэ, 2026

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

*Мальвине Гайворонской, которая уберегла эту
рукопись от забвения. Теперь вы знаете, кого
винить*

Действующие лица

Вэлтен Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Третий – мэйн первой пехотной дивизии императорского полка в отставке, лелеявший мечты о тишине и покое, но ставший жертвой женского коварства. Можно просто «мэйн Рэйнер».

Юта Гантрам (в девичестве **Марейк**) – вдова придворного мага и мастера заклятий, уже не юная, но, безусловно, очаровательная, иначе как еще объяснить временную слепоту мэйна Рэйнера, из-за которой он и угодил в ловушку?

Тильда – ее служанка с особым даром исчезать бесследно и появляться в самый неподходящий момент.

Мэтр Одо Штанге – маг-крючкотворец со склонностью к клептомании, которая слишком дорого ему обойдется.

Мэтр Стефан Хейко – столичный заклинатель, уверенный в собственной неотразимости. Но поскольку уверенность эта ничем не подкреплена, имя его можете не запоминать, надолго он с нами не задержится.

Доктор Аугуст Эморри – кудесник, спаситель, философ и широчайшей души человек, который за время повествова-

ния сто раз пожалеет, что связался с «этой Гантрам».

Лена Эморри – его дочь, девица со всех сторон положительная, и лучше б нашему герою влюбиться именно в нее.

Раджинманд Гантрам – некромант-экспериментатор с бесконечным перечнем заслуг, по этим самым заслугам и получивший. Скончался за семьдесят два года до описываемых событий.

Бруно Гантрам – его сын, сорокалетний увалень без особого ума, но с выдающейся фантазией. Скончался за семьдесят два года до описываемых событий.

И прочие не очень живые обитатели Арве-мал-Тиге – дома ста голосов и тысячи историй, где нам и предстоит провести как минимум двадцать три главы из двадцати шести.

Глава первая, в которой продается дом и утаиваются нюансы

Пока Вэлтен Джакоб Александр Готтфрид Рэйнер Третий, мэйн первой пехотной дивизии императорского полка и без пяти минут новый владелец Арве-мал-Тиге, в пятнадцатый раз старательно выводил на листе свое бесконечное имя и обязательный список регалий, я вяло размышляла о том, что современному обществу остро не хватает умеренности. То есть на первых страницах я все-таки еще нервничала и даже сломала хлипкий замочек на браслете, который без конца теребила, но с каждым новым росчерком пера сердце мое билось все спокойнее, взгляд становился все рассеянное, а мысли уплывали все дальше.

В какой-то момент я даже добралась до имен своих гипотетических детей и поклялась, что сына моего никогда не будут величать сразу шестью словами без учета титулов и званий. Это ж какое излишество! Назову его просто Джон

– коротко и звучно. Или Дон – еще короче и звучнее. «*Назови сразу Он*, – пробурчала присосавшаяся к моим мыслям Тильда. – *Или просто О, будет везде ноликами распи-сываться*».

Я лишь фыркнула, прогоняя из головы наглую девицу, но к реальности вернулась. Вовремя: мэйн Рэйнер как раз вырисовывал последнюю идеальную букву на последней, двадцатой, странице договора. Рядом красовалась и моя подпись, к этой самой двадцатой странице заметно покосившаяся и едва ли разборчивая, но в данный момент собственное несовершенство меня абсолютно не волновало. Если б могла, я бы и ноликов, и крестиков понаставила, только бы разобраться со всем поскорее.

– Что ж, господа... – протянул мэтр Штанге, придиричиво разглядывая наши с мэйном художества, – осталась сущая формальность.

Тильда в моей голове ехидно хохотнула, а я с трудом удержала рвущийся из груди горестный стон. Эту фразу мэтр повторял уже в пятый раз, а формальности все никак не иссякали. Мэйну Рэйнеру бесконечная процедура, кажется, не доставляла никаких неудобств, или же скрывал он свое недовольство гораздо лучше меня. Вот и сейчас он лишь кивнул с каменным лицом и молча поднялся, тут же вытянувшись по струнке. Тетива, а не человек, дотронься – зазвенит.

«*Но хорош, зараза*», – не преминула вставить Тильда, и я скрепя сердце согласилась. Если честно, когда он впервые

появился на нашем пороге, я даже не сразу расслышала суть вопроса – так залюбовалась точеными скулами, штормовыми глазами и густой шевелюрой цвета воронова крыла. Даже излишняя худоба мэйна Рэйнера не портила, да и что нам худоба? Зато плечи вон какие широкие и ямочка на подбородке... *«Откормим»*, – пронеслась тогда мысль, не то моя, не то Тильдина, а затем до поплывшего разума наконец дошло то, что незванный гость втолковывал мне уже несколько минут.

Он хотел купить Арве-мал-Тиге. Я бы сказала, хотел страстно и отчаянно, будь этот, как позже выяснилось, бесчувственный солдафон способен на столь сильные эмоции. Но намерения свои он выказал довольно четко, и поскольку за полгода, что объявление о продаже болталось в вестнике, во мне страсти и отчаяния скопилось за десятерых, то и уговаривать меня долго не пришлось.

Вот бы мэйн Рэйнер еще спросил моего совета при выборе мага-посредника, но вместо этого он притащил из города самого невыносимого крючкотворца, какого только видел свет. Впрочем, вряд ли в окрестностях Хамранта найдется хоть один счастливчик, в свое время не купившийся на белозубую улыбку и хвалительные грамоты мэтра Штанге. Что там, даже я по юности и глупости обращалась в его контору, за что и расплачивалась потом не один год. Но, слава всем богам, больше нам с ним дел иметь не придется. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть... последние пять-

десять-двадцать формальностей, и я обрету долгожданную свободу. Не только от мэтра Штанге – он как раз наименьшая из бед, – но и от этого дома, леса, города и безумного наследия моего благополучно почившего мужа, да разорвут его демоны на ленточки и кусочки.

Главное, чтобы мэтр не провозился до сумерек, иначе все мои усилия пойдут прахом. Я ведь специально просила их приехать к восьми утра, рассчитывая в полдень уже радостно трястись в экипаже в обнимку с любимым потертым саквояжем, с которым когда-то и прибыла в эти края. Но если солдафон оказался точен, как премерзкая экономка моего батюшки, то мэтр Штанге явился с трехчасовым опозданием и кипой бумагулек одна другой важнее.

Когда мы покинули кабинет и вышли в гостиную для последней – «самой-самой последней, честное слово» – формальности, часы на каминной полке показывали без четверти пять. Привлеченный их оглушительным тиканьем, мэйн Рэйнер бросил на циферблат короткий взгляд и, о чудо, едва заметно скривился. Да, я тоже не любила это клыкастое чудовище с тремя головами и стрелками, наворачивающими лигу за лигой вокруг пупка, так что прекрасно понимала его чувства. Наверняка мэйн Рэйнер вознамерился перво-наперво избавиться именно от уродливых часов. Что ж, удачи. Сколько же сюрпризов его ждет на попроще переделки дома, представить страшно. Благо я к тому моменту уже буду слушать шум прибоя на другом конце мира, хотя немного жаль,

что не удастся увидеть весь спектр эмоций, кои способно отразить солдафонское лицо.

– Итак, господа, – привлек наше внимание мэтр Штанге, – осталось перенастроить защиту дома.

Сердце заикнулось и сорвалось вскачь. Вот он, критический момент. Решающую роль играли не устные договоренности, не бумажки и подписи, не клятвы на хрустальной книге, а магические потоки. Если они откажутся отпустить, если что-то помешает...

– Первичная проверка не выявила никаких проблем, так что управимся быстро, – продолжил мэтр. – Когда скажу, возьмете меня за руки: госпожа Гантрам – за левую, а рэйн Мэйн... простите, мэйн Рэйнер – за правую.

Я мысленно взмолилась об удаче, и даже Тильда, обычно вставляющая в каждое мое обращение к богам едкие комментарии, прониклась важностью момента и не рискнула подать голос. Мэтр меж тем закрыл глаза и уподобился морской звезде: широко расставил ноги, раскинул в стороны руки, за которые нам вскоре предстояло хвататься, да чуть запрокинул голову. Посреди мрачной бордово-черной гостиной, навевающей кошмары даже на некромантов и гробовщиков, смотрелась сия поза впечатляюще. Я невольно глянула на мэйна Рэйнера и с тайным злорадством отметила новое проявление эмоций: на мага (а может, на безвкусное клетчатое кресло за его спиной) он взирал с тем же презрением, что и на трехглавые часы.

Пусть привыкает, вскоре все это добро станет его проблемой, а не моей...

Мэтр Штанге вдруг вздрогнул и нахмурился, а я перестала дышать. Неужели?..

– Давайте! – неожиданно визгливо воскликнул мэтр, и я поспешно сцапала его левую руку.

Рэйнер невозмутимо сжал правую.

Пару секунд ничего не происходило, а потом от пальцев мага к моим хлынуло тепло, промчалось по венам, разогнав пульс до бодрого галопа, и устремилось обратно к потной ладони мэтра Штанге. В тот же миг, когда последняя капля огня покинула мою кровь, сменившись морозным холодом, в груди что-то оборвалось.

Нить, привязывавшая меня к Арве-мал-Тиге.

Казалось, я даже услышала звон опавших оков и едва не воспарила над полом – такая легкость охватила тело... Но любезный мэйн Рэйнер был рядом и споро вернул меня с небес на грешную землю.

– Странная какая-то защита, – с сомнением произнес он. – Словно наизнанку вывернутая.

Я выдернула руку из дрожащей ладони мага и отступила на пару шагов. Мэтр Штанге тут же без сил повалился в кресло, и, кабы не открытые глаза, которыми он растерянно блуждал по комнате, я бы уже бежала за нюхательной солью. Рэйнер стоял навтыжку на том же месте, чуть прищурившись, поджав губы и словно прислушиваясь к самому себе.

– Просто ставил ее бездарь, – пропыхтел мэтр, вроде бы слегка очухавшись – по крайней мере, взгляд его приобрел некую осознанность. – Госпожа Гантрам в свое время отказалась тратиться на переделку, но, коли у дома теперь новый хозяин...

Он не договорил, но того и не требовалось. Мэйн Рэйнер благодушно кивнул:

– Всенепременно.

Сказала бы я им, какой «бездарь» ставил нынешнюю защиту. Да он мог подобный ритуал раз пятьдесят подряд провести и даже не вспотел бы, в отличие от мэтра Штанге, который и после одного раунда едва не задохнулся. Этот «бездарь» творил такое, что и не снилось сильнейшим магам империи, и защита его вовсе не странная и не вывернутая, просто ограждает она не дом от мира снаружи, а мир снаружи от обитателей дома...

Понятное дело, язык пришлось прикусить, зато Тильда в моей голове вовсю потешалась над столь пылкими мыслями: *«Эк ты бросилась оборонять старого извращенца. Того и гляди скушать по нему начнешь. Так, может, не поедem никуда? Чтoб не рвалoсь сердце на части от тoски...»*

Я шикнула на нее – как оказалось, вслух – и удостоилась двух внимательных взглядов.

– Что-то не так, госпожа Гантрам? – с непроницаемой физиономией поинтересовался мэйн Рэйнер.

– Нет-нет, просто осознаю перемены, – пробормотала я.

Затем беспомощно огляделась, жалея, что не могу исчезнуть прямо здесь и сейчас и появиться за тысячи лиг отсюда, и суетливо схватила саквояж, который благоразумно сразу вынесла из кабинета и на время ритуала оставила на кофейном столике. Не хватало еще бродить сейчас по комнатам. Нет-нет, скоро стемнеет... бежать надо, и как можно быстрее.

– С вами приятно иметь дело, мэтр, мэйн, – без всякой искренности выдавила я, натянуто улыбаясь. – Надеюсь, в этом доме вы обретете семейное счастье.

Прозвучало двусмысленно, как будто счастья я им желала непременно совместного, и мужчины синхронно приоткрыли рты. Но ни исправляться, ни слушать ответные речи я не стала – резко развернулась на каблуках и поспешила к выходу.

– Н-но, г-госпожа Гант-трам... – внезапно начал заикаться маг.

– Позвольте хоть оплатить вознице ожидание, – вмешался Рэйнер. – С полудня экипаж простаивает по... нашей вине.

Виноват был исключительно мэтр Штанге, и мы все об этом знали, но не настолько я жаждала его пристыдить, чтобы рисковать разоблачением.

– Право, не стоит, – бросила я через плечо, не замедляя шага. – Всего хорошего, господа.

Мэйн Рэйнер хоть и вояка до мозга костей, но вояка умный. Он явно заподозрил неладное, а я этой спешкой лишь

подливала масла в огонь, но, раз уж все мыслимые и немыслимые проверки мы с домом прошли, задерживать меня никто не имел права. Сделка заключена, и сделка честная... если опустить некоторые нюансы; так что подозрения подозрениями, а следом мэйн не рванул. В дверях я даже обернулась, дабы убедиться: гостиная отсюда просматривалась плохо, но, судя по приглушенным голосам, мужчины не сдвинулись с места.

Я толкнула тяжелые створки и, отважно ступив за порог, жадно втянула носом осенний воздух. Такой же, как и пару часов назад, когда я выбегала проветриться и морщилась от одуряющего аромата кирсии, которой заросла вся округа после первого листопада. Такой же и в то же время совсем другой. Теперь к сладости кирсии добавился терпкий запах свободы.

Голова закружилась, я покачнулась, но быстро поймала равновесие и шагнула на первую из тринадцати ступенек, ведущих с крыльца к подъездной дорожке. Вторая, третья, четвертая... на пятую вместе с моей ногой опустилась еще одна – по-мужски огромная, но при этом втиснутая в женский башмак на звонком каблуке. Дальше мы спускались уже вдвоем: я и материализовавшаяся рядом Тильда. Где-то по пути она попыталась отнять у меня саквояж, но после недолгого перетягивания груза я одержала безоговорочную победу, несмотря на разницу весовых категорий.

– Хочешь что-нибудь потаскать – в экипаже ждут сундук и

чемодан, – проворчала я, переместив саквояж в другую руку.

– В них нет денег, – хмыкнула Тильда, и диалог иссяк.

В материальной форме она вообще говорила мало, и все больше по делу, и, только когда вновь оказывалась в моей голове, никак не могла заткнуться.

Судя по храпу, доносившемуся со стороны потрепанного наемного экипажа, возница вполне неплохо проводил время, так что мы позволили себе на пару секунд задержаться у подножия лестницы. Словно подчиняясь командам невидимого дирижера, мы симультанно развернулись и окинули дом прощальными взглядами. Снизу вверх, слева направо. Не могу сказать, что в тот миг испытывала что-то даже отдаленно похожее на грусть, но легкая нервическая тошнота к горлу подкатила. Все-таки здесь я провела без малого десять лет – не особо счастливых, но фактически всю свою молодость... Про Тильду вообще молчу; впрочем, я и не поворачиваясь знала, что лицо ее сейчас невозмутимо, как у престарелого жреца, слушающего скабрёзную шутку, – годы опыта, как-никак. Хотя внутри там наверняка бушевал настоящий шторм.

– И что теперь? – деловито уточнила Тильда, когда мы вдоволь налюбовались нашим узилищем.

– А теперь, – вздохнула я, – надо рвать когти. Очень быстро и очень, очень далеко.

Глава вторая, в которой ломаются корабли, планы и судьбы

Наверное, Тильда права и всему виной мои многочисленные недостатки, из-за которых я мало того что никогда не найду приличного мужа, но и вряд ли проживу достаточно долго, чтобы выйти хоть за кого-нибудь, даже за неприличного. Замуж я не собиралась – спасибо, одного раза хватило, – однако жить хотела, так что мысленные нотации выслушивала со стойкостью ланарского монаха. Говорят, они способны сутками балансировать на одной ноге, невзирая на ливни, снегопады и порывы ветра. Вот и я, стиснув зубы, покачивалась под ударами хлестких фраз и даже не возмущалась.

Ну, почти.

К нотациям, разумеется, прилагался полный список упомянутых недостатков.

Во-первых, гордыня. Дескать, я так уверилась в непогре-

шимости основного плана, что не подумала о запасном. А зачем он мне, если я действительно все предусмотрела? И скорость экипажа, и расписание поездов, и задержки на станциях, и возможные пересадки в случае погони. Даже мигрень от общения с Тильдой и неизбежный визит не к лекарю, так к аптекарю. Не учла только предприимчивость бабушки госпоина Кёнига, владельца судостроительной верфи «Корабли Кёнига» – единственной и неповторимой на этом берегу Северного моря. Глупая поломка на одном из грузовых судов вскрыла тайник, в котором ушлая бабулька повадилась переправлять в Ауэрд контрабандные зелья и артефакты, в результате чего все корабли Кёнига оказались под колпаком. На время тщательных проверок порт будто вымер, зато ожили сутяжные конторы, в которые потоком хлынули возмущенные пассажиры, лишившиеся возможности покинуть Аделхайд. Я бы тоже не упустила шанса пожаловаться, кабы не обстоятельства, а так приходилось молча сидеть в гостиничном номере, кусать локти и ждать, когда хоть одному кораблю позволят отплыть. Иного способа сбежать с материка не было, хотя я бы согласилась даже на захудалую лодку с веслами.

Во-вторых, смазливая мордашка. Должна признать, на этом пункте я приосанилась и, как ни старалась, устыдиться и опечалиться не смогла. Зато Тильда печалилась за двоих и распекала мою внешность на все лады. *«Хорошенькая девица во вдовьем наряде – это ж лакомый кусочек для вся-*

ких пройдох! На тебя только слепой внимания не обратил, а уж излияния похотливых уродов – след понадежнее хлебных крошек. Как пить дать, по нему тебя и нашли. Ну вот что тебе мешало избавиться от этих черных тряпок?»

Мешал мне пункт третий. Воспитание. По мнению Тильды, недостаток самый страшный и самый опасный. Пока она расписывала ловушки, в кои может угодить дама, до отказа напичканная глупыми правилами и предрассудками, я с трудом сдерживалась, чтобы не напомнить о том, кто меня, собственно, воспитывал. Да, большей частью няньки, немного родители, но до определенного возраста голова моя все же оставалась легка и пуста. Зато в шестнадцать лет я попала в лапы Тильды, и... скажем так, жизнь оказалась полна удивительных открытий. Кстати, блюсти траур по мужу, о котором я только и помнила, что наличие противных усов и абсолютное неумение вести в танце, – ее идея, потому эту претензию я тоже без зазрения совести вычеркнула.

Ну и в-четвертых, меня обвинили в неумном любопытстве. Каюсь, обвинили справедливо, но в свое оправдание скажу, что мэтр Штанге и мейн Рэйнер тут тоже виноваты. Первый опоздал на три часа, а второй все эти три часа просидел с таким лицом, словно от моего общества у него острое несварение. Я же ни словом, ни жестом его не упрекнула и сдерживалась, сколько хватало сил, даже в библиотеку его сопровождала, дабы мейн скрасил ожидание интересной историей. Но когда он предпочел общению со мной справочник

по ботанике... да, сорвалась. Хотя и задала-то всего один невинный вопрос:

– Вы когда-нибудь бывали на Северном море?

– Да, – коротко ответил Рэйнер и вернулся к жизнеописанию пестиков и тычинок.

Но Тильда теперь была уверена, что именно моя несдержанность указала мэйну наше местоположение, подобно стрелке компаса. *«Возница наверняка сказал, что доставил нас на станцию, а там уж, зная про Северное море, недолго вычислить маршрут»*, – зудела она в висках.

И я снова с трудом обуздала рвущееся наружу возмущение. Ибо если уж искать истоки наших неприятностей и первопричину всех бед, то все началось с баек Тильды о далеких Наольских островах. Где деревья всегда зеленые и одним листом можно накрыться с головой. Где в орехах плещется сок, кошки вырастают до размеров откормленного теленка, а люди крепкие и коричневые, как кофейные зерна. Женщины там вплетают ракушки в волосы и не стесняются наготы; мужчины там призывают рыбу песней и пронзают сердца зверей острыми копьями; дети там прыгают в воду со скал и играют со змеями.

Тильда родилась на одном из этих островов в семье аборигенки и белокожего учителя, прибывшего на край мира с просветительской миссией, и, насколько она знала, позже там вырос целый город таких цивилизованных просветителей. Местным они не навязывались, но учили желающих

простейшим наукам и языкам. Ну и изучали дикарей между делом, труды многостраничные писали. Все это звучало невероятно захватывающе, и, пусть я понимала, что реальность наверняка далека от идиллической картинки, нарисованной давно умершей полукровкой, все равно загорелась идеей посетить острова. А если получится, то и поселиться в белом городе. Вот уж где меня точно не стали бы искать.

Чтобы добраться туда, надо было пересечь сначала Северное море на обычном корабле, потом Огненное – на воздушном, а после еще на пароме плыть. И если б не эта глупая мечта, я бы точно выбрала другой маршрут. Покороче да понадежнее. Вероятно, направься я в противоположную сторону, уже бы покинула материк и нашла свой домик у моря. Не на острове, ну и ладно, зато на свободе. А теперь... теперь...

Теперь оставалось только вздыхать и хмуриться под пристальным взглядом штормовых глаз мэйна Рэйнера.

* * *

Наша с ним новая встреча разительно отличалась от предыдущих – спокойных, чопорных и до зевоты скучных. О да, мэйн наконец утратил хваленое солдафонское хладнокровие, и, глядя на его раскрасневшееся от гнева лицо, на котором отчетливо проступали признаки сильной усталости, я помимо воли забывала о грядущих проблемах и... наслаждалась. Нехорошо радоваться чужому горю, и за это мне то-

же воздастся – судя по стиснутым кулакам мэйна, довольно скоро, – но как же приятно осознавать, что я не одна ущербная и мир в принципе полон несовершенства.

Итак, гость поджидал меня в гостинице.

Я как раз вернулась после очередного визита в порт – неудачного, потому пребывала в крайне дурном настроении. Тильда сидела тихо и даже не пыталась материализоваться, за что я была премного благодарна, ибо на поддержание еще и ее формы мне бы просто не хватило сил, ни душевных, ни физических. Но стоило шагнуть в номер и увидеть в кресле прямо напротив двери почерневшего от злости мэйна первой пехотной дивизии императорского полка, как силы сразу же нашлись: я припустила прочь по коридору так резво, что иные антилопы обзавидовались бы.

Увы, хищник тоже не дремал. Не знаю, как ему это удалось, но меня схватили уже у соседней двери и быстро заволокли обратно в номер. Что удивительно, я даже не пыталась кричать, хотя, наверное, стоило. Не для того, чтобы поднять шум, а чтобы мэйн зажал мне рот рукой, и тогда бы я его укусила. Это обязательный элемент всех похищений, по крайней мере описанных в романах, и, хотя тащили меня отнюдь не в башню черного колдуна, хотелось все же соответствовать канону. Но мысль мелькнула и пропала, рот мой оставался закрытым без посторонней помощи – наверное, Рэйнер эти романы тоже читал, – а вскоре закрылась и дверь да щелкнул замок.

– Что за ребячество, – проворчал мэйн Рэйнер, и я вынуждена была согласиться.

Как есть ребячество – поджидать даму в полутемной комнате, будто книжный злодей. Внизу для таких целей поставили чудесные диваны и даже напитками угощают, от простой воды до чего покрепче.

– Да не съем я вас! – рявкнул мэйн, заметив, что я так и стою посреди комнаты да пучу на него наверняка испуганные глаза. Затем на секунду зажмурился, глубоко вдохнул и добавил уже спокойнее: – Поговорим?

В своей способности соединять буквы в слова я уверена не была, но кивнула и, не сводя с Рэйнера напряженного взгляда, попятилась. Вскоре ноги уперлись в мягкую подушку, и я плюхнулась в кресло, еще хранившее тепло солдафонских ягодиц.

– Для начала... – Долгая пауза. Спокойствие явно давалось ему с трудом. – Для начала, не желаете ли объясниться?

Я не желала и без раздумий покачала головой.

– Хорошо. Хорошо.

Рэйнер рассеянно огляделся, заметил в углу стул и спустя одно бесконечно плавное движение уже сидел на нем верхом лицом ко мне. Я и не подозревала, что человек-тетива, который, кажется, даже ходил не сгибая коленей, способен на такую поистине звериную грацию.

– Тогда я начну, а вы не стесняйтесь присоединиться к беседе в любой момент. – Он улыбнулся, криво и невесело. –

Вы превратили мою жизнь в кошмар.

Кому-то подобное заявление могло бы показаться чрезмерным, но я, к сожалению, прекрасно понимала чувства мэйна, потому как сама едва выбралась из этого кошмара. Ладно, в последние годы кошмар был с задоринкой и даже доставлял мне некое извращенное удовольствие, но я еще помнила первые дни, недели, месяцы... и в осунувшемся лице Рэйнера видела призрак шестнадцатилетней себя.

– Слуги ушли на второй день, – тем временем продолжал он. – Не сбежали с воплями о том, что за ужасы творятся в Арве-мал-Тиге, а спокойно собрались и разъехались кто куда, объясняя сие отвратительным нравом хозяина. Притом большинство из них служило мне годами, так что даже не знаю, какое такое проявление моего нрава стало последней каплей.

Я по-детски шмыгнула носом и виновато потупила взор. Мои слуги не продержались и нескольких часов и тоже винили во всем взбалмошную малолетнюю хозяйку, хотя в шестнадцать я была сама кротость и добросердие. Мне тогда хватило ума приглашать новых и новых людей, сначала из ближайшего Хамранта, потом из соседних городов, но единственное, чего я добилась, – так это славы главной стервы Аделхайда. Со временем стараниями Тильды ситуацию удалось сгладить, но, как говорится, осадок остался.

Мэйн Рэйнер, судя по всему, оказался посообразительнее и сразу нашел истинного виновника.

Дом.

Арве-мал-Тиге не любил чужаков, но, начини он выгонять их силой, вскоре превратился бы в главную достопримечательность Лиутского леса, и те самые чужаки хлынули бы рекой. Потому слуги и загостившиеся визитеры уходили без всякого страха, но с обидой, чтобы наверняка. Для счастья дому хватало одного хозяина, потому хозяин Арве-мал-Тиге был обречен на одиночество.

– ...Не спал неделю, – прорвался в мои мысли голос Рэйнера, – я выучил миллион учгунжских народных напевов, насквозь пропах тыквой и теперь могу узнать любого обитателя дома по единственному короткому стону, но самое главное – я так и не понял, как это все работает! Кто вы такая и что мне подсунули?!

Первый вопрос я проигнорировала, а на второй, прокашлявшись, все же ответила:

– Просто дом. – Получилось сипло и неубедительно.

– Просто дом? Тогда смерть – это просто послеобеденный сон.

Ну в какой-то мере...

– В общем, – Рэйнер неожиданно поднялся, вновь превратившись в натянутую тетиву, – я вынужден обвинить вас в мошенничестве.

От такой наглости у меня даже голос прорезался.

– Каком еще мошенничестве? Я отдала вам отличный дом за бесценок!

– Я выплатил полную стоимость! – возмущился он.

И то верно. Как ни пыталась я сопротивляться в надежде избежать мук совести и как ни закатывал небесны очи мэтр Штанге, Рэйнер не согласился на смехотворную сумму, указанную в объявлении, и накинул сверху еще два раза по столько же. *«Таков нынче рынок»*, – объяснил он. И добавил что-то про «солдат вдову солдата не обидит».

Ну так если у кого-то обостренное чувство справедливости, разве я в том виновата?

Да, я обрадовалась непредвиденному доходу – а кто бы не обрадовался? – и крохотный домик у моря в моих мечтах превратился в домик у моря побольше. И гуляла я по берегу уже не в одном из пяти имеющихся у меня платьев, а в наряде поновее да помоднее. Нормальные женские грезы, не Рэйнеру меня судить. К тому же отнекиваясь я подольше, он бы еще на первых порах заподозрил подвох, и море я бы увидела только на отвратительном желто-коричневом полотне руки не самого психически здорового члена семейства Гантрам.

Задумавшись, я пропустила большую часть обличительной речи мэйна Рэйнера и спешно попыталась ухватиться хотя бы за конец, чтобы дать достойный ответ.

– ...утаив столь важные подробности. Бросили меня в огненную бездну! Бесчестный поступок, недостойный почтенного рода Гантрам.

Кажется, от соседства слов «почтенный» и «Гантрам» я на пару мгновений ослепла – по крайней мере, лицо Рэйнера,

озаренное праведным гневом, из поля зрения исчезло и осталась лишь темно-красная пелена. Затем из этих кровавых глубин проступили знакомые черты и смоляные кудри, и я через силу выдохнула.

– Недостойный рода Гантрам? – прошипела я, едва снова обрела голос, и даже смогла подняться на ноги. – *Почтенного* рода Гантрам? Этот почтенный род создал огненную бездну, которую вы отчего-то не захотели назвать домом! Создал и поддерживал годами. Десятилетиями! А с самыми почтенными представителями сего почтенного рода вы, верно, даже успели познакомиться. Вспоминайте, не стрелял ли в вас посреди ночи из призрачного ружья плюгавый старикашка с болтающимся на ухе моноклем? А бритоголовое двухметровое дитяtko не подсматривало ли за вами в ванной? Прекрасные люди, я действительно недостойна стоять с ними в одном ряду.

Рэйнера перекосило так, что я сразу поняла: было если не все перечисленное, то непременно нечто подобное. Весь запал как-то моментально испарился, и я подбитой птицей рухнула обратно в кресло. Было стыдно, не отрицаю. А еще грустно и обидно, потому что, когда все это дело свалили на меня, никто особо не переживал. Конечно, Рэйнер тут ни при чем, но и я когда-то получила ни за что, ни про что...

«Ну еще начини снова оплакивать свою горькую судьбу, – фыркнула Тильда, и я погрустнела еще сильнее. – *И раз ты бедная-несчастливая, то надо и еще кого-то сделать бедным*

и несчастным».

«Эй! – Забывшись, я едва не завопила вслух, но вовремя спохватилась. – *Как будто ты сама не хотела оттуда выбраться. Ты вообще на чьей стороне?»*

Сторону она всегда занимала исключительно свою собственную, а потому в полете могла поменять мнение десять раз кряду, что в очередной раз доказала.

Мэйн молчал, Тильда в моей голове перечисляла мои недостатки, я страдала. За окном сгущались сумерки, и меня все сильнее мучил один насущный вопрос...

– Как вы улизнули? – все же не удержалась я, ибо помнила, каких трудов стоило покинуть Арве-мал-Тиге даже на несколько часов, не то что дней.

В первые годы брака муженьку требовалось периодически таскать меня на столичные балы, и его не волновала цена, которую мне приходилось платить за эти отлучки...

Мэйн Рэйнер вынырнул из размышлений, неожиданно весело ухмыльнулся и вновь оседлал стул:

– Договорился.

О да, договариваться они любят...

– И что теперь? – скулсила я. – Вернете меня... д-домой?

В этом смысле слово звучало странно, но иного дома у меня действительно не было. Точнее, пока не было. Надеюсь, что пока...

– Верну, – кивнул мэйн, сердце ухнуло, и я поджала гу-

бы. – На время. Пока не избавимся от этой пакости. Мне нужна свобода действий, к тому же ваш побег кое-кого изрядно разозлил. Народ требует назад свою любимицу, а пока вы будете их отвлекать, я займусь очисткой...

– Ничего не выйдет, – вздохнула я, потирая переносицу. – Мэтр Штанге ни одного всполоха не способен разглядеть. Для него это просто дом, и...

– Я вызвал столичного заклинателя, – перебил Рэйнер. – Вот только не знаю, как скоро он сможет прибыть. Будем ждать... Что такое?

Похоже, скептицизм таки отразился на моем лице, но я лишь отмахнулась:

– Нет-нет, ничего. Столичный заклинатель – это чудесно.

В конце концов, не могут же все прославленные маги оказаться шарлатанами? Пусть мой опыт и говорил об обратном.

В моей жизни таких магов было два: один из нашей столицы, сияющей и пронзающей небеса башнями, а другой из соседней Учгунжии, холодной и одноэтажной. И если первый сразу честно признался, что ничего необычного в доме не видит, и денег взял только за дорогу, то второй устроил целое представление с бубнами, песнопениями и ритуальным сожжением тряпичных кукол. После его визита я неделю вымывала из волос запах костра, а у обитателей Арве-мал-Тиге появилась новая игра. «Учгунжский заклинатель» называется. Правила просты: завывай себе песню да стучи ложкой по котелку или еще какой железяке – кто дольше всех удержит

материальный объект в руках, тот и победил.

Для призраков это сложно.

Для хозяина дома тоже, но по иным причинам. Рэйнер вот явно уже успел погрузиться в таинство, раз упоминал уч-гунжские напевы.

– Почему вы просто не перекинете потоки обратно на меня и не отправитесь восвояси? – все же спросила я.

И Тильда протяжно застонала: *«Ты еще деньги ему предложи вернуть»*.

Я невольно покосилась на стену с сейфом, в котором хранился драгоценный саквояж. И далеко б я, дура, без него убежала?

– Ну, во-первых, мэтр Штанге не поймет подобных манипуляций и не оценит, если я силком буду вкладывать вашу ладонь в его. – Рэйнер хмыкнул и покачнулся на стуле, будто ребенок на деревянной лошадке. Ну точно вояка, деревянного меча не хватает. – А во-вторых, – он резко посерьезнел, – вы правы, это теперь мой дом, и я так просто не отступлюсь.

Мог бы с этого начать, а не пугать до полусмерти. Я не то чтобы жаждала вернуться в свой десятилетний кошмар, но уверенность мэйна Рэйнера внушала оптимизм. На него хотелось... положиться. Почему нет, если удастся все решить и уехать уже с чистой совестью? Не такая уж я дрянь...

Тильда хохотнула.

Не такая!

Я решительно вскочила, подумала и снова села. А как это

будет выглядеть? Я продала дом и осталась жить с новым хозяином? Да и дорога... несколько дней в пути наедине с женщиной – это ж неслыханно! Поддерживать форму Тильды так долго я попросту не смогу, и...

– Идемте, – прервал мои мысли мэйн Рэйнер, вставая. – Я выторговал всего три часа свободы, и они уже на исходе. Вещей, насколько помню, у вас немного.

– Надо дождаться мою служанку, – ляпнула я. Не время выдавать тайну Тильды, еще не время. Надо сначала посмотреть, как он с домашними себя ведет. – Мы не можем... вот так... вдвоем...

Я прямо почувствовала, как мучительно краснею, а Рэйнер взял да расхохотался. Вот оно, пагубное влияние проклятого особняка. Арве-мал-Тиге даже кусок гранита превратит в истериčku.

– Ох, да ладно вам, – выдохнул мэйн после пары всхлипов. – Служанку? Возница, конечно, говорил, что в экипаж вы селились вместе с огромной темнокожей дамой и с ней же его покинули, но, помилуйте, от меня сбежал даже верный камердинер после пятнадцати лет службы, а вы с вашим характером сумели кого-то удержать?

– С моим характером? – прищурилась я.

«Огромной?!» – возмутилась Тильда.

– Так что у вас там? – словно и не услышал Рэйнер. – Амулет иллюзий? Если надо подпитать, я могу...

– Ничего, – процедила я сквозь стиснутые зубы. – Есть у

меня служанка понадежнее вашего трусливого камердинера. К тому же, покинув дом, я могла нанять хоть сотню слуг!

Он насмешливо вскинул бровь и демонстративно огляделся.

А до меня вдруг разом дошло сразу две вещи. Во-первых, все мои попытки что-либо доказать будут выглядеть глупо, а потому лучше просто прикусить язык. А во-вторых, как это он выторговал всего три часа? От Хамранта до побережья три дня на самом быстром поезде!

– Как вы... – я, кажется, слегка охрипла, – сюда добрались?

Мэйн Рэйнер меж тем деловито вытаскивал из почему-то не запертого сейфа мой саквояж, а чемодан и небольшой сундук каким-то чудом уже стояли у порога.

– Когда-нибудь ходили туннелями? – ответил он вопросом на вопрос.

О боги, только такая «везучая» особа, как я, могла продать дом кроту, а потом удивляться, что ее догнали...

Глава третья, в которой Юта предается воспоминаниям и порочному любопытству

Не секрет, что в возрасте от двух до пяти лет за каждым отпрыском империи родители наблюдают с особым вниманием и затаенной надеждой, ибо именно в этот период обычно проявляются первые признаки дара. Хорошо если полноценного магического, тогда можно выдохнуть с облегчением, ведь даже такой, мягко говоря, средненький маг, как мэтр Штанге, способен обеспечить достатком и уважением не только себя, но и всех своих родственников до пятого колена. Даже один одаренный ребенок – счастье для всего клана.

Впрочем, так называемое благословение Анико тоже может стать счастьем. Не для простолюдинов, разумеется, им в основном достается всяческая ерунда вроде умения нахо-

дить воду да предсказывать дождь за пять минут до первых капель. Семьи же из высших кругов – другое дело. Многовековая селекция, как-никак, тщательный отбор, чистая кровь – разве может при таких обстоятельствах появиться кто-то бесполезный? Анико награждает избранных всего одной способностью, но порой такой, что сильнейшие маги кусают локти от зависти. На это и рассчитывали мои родители. И их родители. И (явно бессмертные) родители их родителей.

Матушку с батюшкой выбрали друг для друга из множества кандидатов, скрестили, как породистых скакунов, и затали дыхание в ожидании чуда, которого так и не произошло. То ли чистая кровь дала сбой, то ли дату зачатия рассчитали неверно, то ли Анико был не в духе, а прочие боги на секунду отвлеклись и не успели наделить магией новорожденный визжащий комочек плоти.

Не вышло из меня ни мага, ни благословленной. По крайней мере, именно такой вердикт вынес мэтр Марейк, мой прадед и глава рода, на пятом году моей жизни. Конечно, надежда еще оставалась, но столь слабая, что дальше приглядывали за мной лишь вполглаза, а потом и вовсе вверили пустое дитя заботам нянек.

Мое дражайшее семейство не учло или позабыло, что Анико – бог случая, а случаи бывают разные. Мой, к примеру, оказался крайне запущенным и, что называется, несчастным. Благословение дало о себе знать лишь в четырнадцать

лет, да такое, что лучше б и до старости молчало... Хорошо, что к тому времени до меня не было дела даже слугам и никто ничего не заметил. Плохо, что два года спустя я умудрилась попасться на глаза мэтру Гантраму.

Батюшку насторожил интерес ко мне второго придворного мага, ибо о пристрастиях его шептались давно и громко и я точно не попадала в группу риска. И поскольку в остальном в глазах семьи я оставалась бесполезным балластом, все глубоко задумались, что такого разглядел во мне мэтр Гантрам и какую с этого можно поиметь выгоду. Дара во мне так и не нашли, иных причин для предложения руки и сердца тоже, а потому насторожились еще сильнее и запросили за невесту такой откуп, что хватило бы построить дворец на собственном острове и набить его шелками и драгоценностями.

Мэтр раскошелился без возражений, клан Марейк в едином порыве нервно закусил губу, понимая, что надо было просить больше, а я шагнула за порог отчего дома со скромным саквояжем в руке и впервые в жизни задумалась о бренности бытия.

Иллюзий по поводу своего неожиданного мужа я не питала. Уже не питала.

Теперь, переступая порог Арве-мал-Тиге все с тем же саквояжем, я размышляла о том, как бы все сложилось, достанься мне дар мэйна Рэйнера. На самом деле от незавидной участи меня бы спас и любой другой, но способность почти мгновенно перемещаться на огромные расстояния занима-

ла мой ум с детства и ввиду обстоятельств казалась мне самой-пресамой важной и замечательной. «Кротов», прокладывающих пространственные туннели, в империи насчитывалось всего-то штук десять, а тех, кто в силах за сутки покрыть несколько сотен лиг и не свалиться наземь бесчувственным кулем, и того меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.